

Е.Г. Хайченко

Чайлд-Гарольд

Чайлд-Гарольд (англ. Childe Harold) — герой поэмы Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайлд-Гарольда» (1812–1818). Чайлд-Гарольд, первый романтический герой поэзии Байрона, не является характером в традиционном смысле слова. Это абрис характера, воплощение смутного влечения души, романтического недовольства миром и самим собой. Биография Чайлд-Гарольда типична для всех «сынов своего века» и «героев нашего времени». По словам Байрона, «бездельник, развращенный ленью», «как мотылек, резвился он порхая», «свой век он посвящал лишь развлечениям праздным», «и в мире был он одинок» (перевод В. Левика). Разочарованный в дружбе и любви, наслаждении и пороке, Чайлд-Гарольд заболевает модной в те годы болезнью — пресыщением и решает покинуть родину, ставшую для него тюрьмой, и отчий дом, кажущийся ему могилой. «В жажде новых мест» герой пускается странствовать по свету, в ходе этих странствий становясь, как и сам Байрон, космополитом или гражданином мира. Причем скитания героя совпадают с путевым маршрутом самого Байрона в 1809–1811 и в 1816–1817: Португалия, Испания, Греция, Франция, Швейцария, Италия.

Сменяющиеся картины разных стран, национального быта, важнейших событий политической истории образуют ткань поэмы Байрона, эпической и лирической в одно и то же время. Прославляя Природу и Историю, поэт воспекает вольный героизм национально-освободительных движений своего времени.

Призыв к сопротивлению, действию, борьбе составляет основной пафос его поэмы и предопределяет сложность отношения Байрона к созданному им литературному герою. Границы образа Чайлд-Гарольда — пассивного созерцателя величественных картин открывающейся перед ним мировой истории — сковывают Байрона. Лирическая сила соучастия поэта оказывается столь мощной, что, начиная с третьей части, он забывает о своем герое и ведет повествование от своего лица.

«В последней песне пилигрим появляется реже, чем в предыдущих, и поэтому он менее отделен от автора, который говорит здесь от своего собственного лица, — писал Байрон в предисловии к четвертой песне поэмы. — Объясняется это тем, что я устал последовательно проводить линию, которую все, кажется, решили не замечать, <...> я напрасно доказывал и воображал, будто мне это удалось, что пилигрима не следует смешивать с автором. Но боязнь утратить различие между ними и постоянное недовольство тем, что мои усилия ни к чему не приводят, настолько угнетали меня, что я решил затею эту бросить — и так и сделал». Таким образом к финалу поэмы, обретающей все более и более исповедальный характер, от ее героя остаются лишь романтические атрибуты: посох паломника и лира поэта.